

О. В. Герасимович

ВОСТОЧНО-
СЛАВЯНСКАЯ
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
АКСИОЛОГИЯ

ВЕРА
НАДЕЖДА
ЛЮБОВЬ

УДК 811.16'37

ББК 81.2-3

Г37

Научный редактор

кандидат филологических наук *Н. П. Антропов*

Рецензенты:

доктор филологических наук *А. А. Кожина*

кандидат филологических наук *О. В. Фурс*

ISBN 978-985-08-1520-0

© Герасимович, О. В., 2013

© Оформление. РУП «Издательский
дом «Беларуская навука», 2013

ВВЕДЕНИЕ

Изучение абстрактных аксиологических номинаций, а также сравнительно-сопоставительный анализ лексических систем отдельного языка в его историческом развитии на фоне аналогичных систем близкородственных языков привлекает внимание лингвистов уже не одно столетие. Исследование языковой семантики в ее динамических аспектах, которое является сегодня одним из ведущих лингвистических направлений, представляется также целесообразным и необходимым в связи с актуальностью философских и языковедческих проблем, касающихся отношений языка, мышления и действительности. В настоящее время в научной литературе безусловным императивом выступает интерес к менталитету носителей языка, специфике национально-культурного сознания, языковой картине мира, что связано с современной ситуацией глобализации и взаимовлияния культур (Привалова 2005, 5).

Особую значимость имеют номинации, служащие для именованя основополагающих аксиологических феноменов культуры, которые обладают свойством консолидации этнического и национального сообществ. По мнению многих исследователей, в современной лингвистике наиболее достойным внимания представляется аксиологический аспект языка, так как духовные ценности представляют собой «сердцевину» культуры и языковой картины мира (Puzynina 1982; Степанов 1997, 340; Бартминьски 2001, 21; Небжеговска 2001, 26; Маслова 2001, 51). Согласно рассуждениям В. И. Кара-

сика, «разработка ценностных доминант в языке представляется важной для лингвистики, поскольку <...> позволяет интегрировать достижения в области культурологического знания (от В. фон Гумбольдта до новейших лингвострановедческих работ), прагматической и социальной лингвистики. Прикладная польза от изучения рассматриваемой проблемы для преподавания языка, практики перевода, оптимизации межкультурного общения также очевидна» (Карасик 1996, 6). Кроме того, аксиологические установки, одновременно отсылающие как к материальной, так и к духовной культурным традициям, «чрезвычайно редко», – по утверждению А. Ф. Журавлева, – «затрагиваются в связи с реконструкцией особенностей той или иной этнической культуры через языковые свидетельства» (Журавлев 1999, 8).

Абстрактные термины духовной культуры, являясь одной из важных частей языковой картины мира, представлены набором специфичных для отдельного этноса слов-концептов. В каждой национальной аксиологической картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы – ценностные доминанты. Базисный семантический инвентарь славянской культуры составляют лексические единицы, обозначающие общечеловеческие ценности: «добро», «вера», «надежда», «любовь», «честь», «совесть» и др. Как точно определяет А. Ф. Журавлев, «прочность древней славянской аксиологии, конечно же, меняющейся в деталях и обогащающейся, но в кардинальных своих чертах сохраняющейся на протяжении многих веков, свидетельствует о трезвых консервативных основах славянской культуры» (Журавлев 1999, 29). Данные абстрактные лексемы (абстремы), праславянские по своему происхождению, присутствуют в словарном составе всех славянских языков, хотя могут различаться в звуковом оформлении (в связи с результатом действия различных фонетических законов), а иногда и в семантике, поскольку особенные исторические условия формирования отдельных языков могли породить видоизменения в семантических процессах развития одних и тех же слов.

Проблема происхождения и развития абстрактных аксиологических номинаций в восточнославянских языках фрагментарно затрагивается в ряде работ, в частности, Б. А. Ларина (Ларин 1977), А. В. Бастрикова (Бастриков 1989), Ю. С. Степанова (Степанов 1997), Т. И. Вендиной (Вендина 2002), Е. И. Холявко (Холявко 2002), В. В. Колесова (Колесов 2004) и др.

Анализируемые в этой книге лексические единицы *вера*, *надежда*, *любовь* относятся к числу «культурных слов», служат для обозначения высших христианских добродетелей, принадлежат сфере человеческих отношений и отношения к Богу и поэтому наиболее полно отражают духовное богатство народа. Концепты данных понятий были предметом исследования в диссертациях Л. А. Харламовой «Матричный принцип формулы ‘*faith, hope, charity*’ – ‘*вера, надежда, любовь*’ и составляющих ее концептов» (Харламова 2006) на материале английского языка и М. И. Жук «Концепты «вера», «надежда», «любовь» в идиостиле Булата Окуджавы» (Жук 2007). Ранее некоторые аспекты семантики слов *вера*, *надежда*, *любовь* в славянских переводах греческого церковного текста затрагивались в очерках М. Ф. Мурьянова (Мурьянов 2007, 349–367). Что же касается изученности компонентов триады в работах русских, белорусских и украинских исследователей, то понятие «вера» анализировалось с философской, религиозной и психологической точек зрения (см. параграфы 3.1, 3.2 монографии); «надежда» стала предметом изучения только в недавнее время, причем исключительно с позиций когнитивизма (см. параграф 4.1); понятие «любовь» привлекало внимание представителей концептуального, сопоставительного, лексико-семантического, лингвокультурологического направлений (см. параграф 5.1).

Настоящая работа, имеющая когнитивно-лексикологическую направленность, посвящена проблеме выявления основных семантических особенностей представления аксиологических номинаций *вера*, *надежда*, *любовь* в лексикографических источниках русского языка на фоне соответствующих фактов белорусской и украинской языковых систем; это осо-

бенно значимо в связи с необходимостью дальнейшего развития сравнительной семасиологии, а также – с практической точки зрения – методики преподавания родственных языков. Исследование, выполненное в рамках современной антропологической лингвистической парадигмы, относится к исторической лексикологии, семасиологии, этимологии, лингвистической аксиологии, ведется в русле ономаσιологического направления и носит диахронический характер.

Теоретическую основу книги составляют труды В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Ларина, Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, А. Вежбицкой, Н. И. Толстого и др. Ключевым принципом является мысль о том, что языковой знак, как и язык в целом, представляет собой один из базовых элементов мировоззрения, и одновременно определенный способ его понимания (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сепир, Б. Л. Уорф, А. Вежбицкая, Н. И. Толстой). В работе доказывается, что эволюция значений слов *вера, надежда, любовь* соответствует магистральному пути семантического развития от конкретного к абстрактному, что прямо соотносится с гипотезой О. Н. Трубачева о производности и вторичности большинства «феноменов культуры и их языковых выражений» (Трубачев 2002, 182), в том числе и аксиологических наименований.

Основной материал для исследования взят из восточнославянских лингвистических словарей:

общенационального масштаба на диалектной основе (в соответствии с определением А. А. Плотниковой: Плотникова 2000, 21–55): «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866), «Слоўнік беларускай мовы» И. И. Носовича (1870), «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко (1907–1909);

современные: «Словарь современного русского литературного языка» (в 17 т.; 1948–1965), «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (в 5 т. (6 кн.); 1977–1984), «Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь» Я. Станкевича (1990), «Словник української мови» (в 11 т.; 1970–1980);

исторические: «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского (в 3 т.; 1893–1912), «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (в 10 т.; 1988–2008), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (в 27 вып.; 1975–2006), «Словарь русского языка XVIII века» (в 16 вып.; 1984–2006), «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (в 28 вып.; 1982–2008), «Историчний словник українського язика» (в 2 т.; 1930–1932), «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.» (в 2 т.; 1977–1978), «Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ)» Л. Дэже (1985);

диалектные (академические): «Словарь русских народных говоров» (в 42 вып.; 1965–2008), «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» (в 5 т.; 1979–1986), «Тураўскі слоўнік» (в 5 т.; 1982–1987);

этимологические: «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (в 2 т.; 1959), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (в 4 т.; 1964–1973), «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (в 2 т.; 2004), «Этимологический словарь русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (1994), «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» (в 12 т.; 1978–2008), «Етимологічний словник української мови» (в 5 т.; 1982–2006) и др.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

1.1. Изучение аксиологических номинаций: теория и история вопроса

1.1.1. Антропоцентризм как доминирующий принцип современных лингвистических исследований: история формирования

С конца прошлого века в лингвистике на смену системно-структурной парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, «возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» (Воркачев 2001, 64). Новизна этой парадигмы весьма относительна, так как идеи антропоцентризма языка имеют очень давнюю историю. Еще в конце XVIII в. Й. Г. Гердер называл в качестве важнейших феноменов человека его язык, культуру, общество и национальный дух. В начале XIX в. В. фон Гумбольдт задумывался над проектом науки о языке, основанной на антропоцентрических началах. На развитие этого направления значительное влияние оказали труды братьев В. и Я. Гримм, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Э. Бенвениста. В России разработка антропологической проблематики в языке была начата Ф. И. Буслаевым, А. И. Афанасьевым и А. А. Потебней, важное значение имели работы А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского, Д. К. Зеленина, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина и др. О необходимости развития общей глобальной «теории антропологии языка» писал Г. В. Рамишвили (Рамишвили 1978, 205).

О. Н. Трубачев отмечал, что «сравнительно-историческое языкознание, этимология, построенная на них рекон-

струкция в общем давно работают с концепцией антропоцентричности древней (в частности) славянской культуры и языковой картины мира» (Трубачев 1998, 20).

В науке последних десятилетий позиции антропологической лингвистики являются достаточно прочными. С этой областью научного поиска в той или иной степени связана деятельность таких исследователей, как Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, Н. Л. Виноградова, А. Ф. Журавлев, Вяч. Вс. Иванов, А. А. Кожина, В. В. Колесов, Н. Б. Мечковская, В. М. Мокиенко, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, А. Т. Хроленко, О. А. Черепанова, А. Д. Шмелев и др. Среди зарубежных языковедов следует назвать А. Вежбицкую, Е. Бартминьского, Я. Пузынину, Дж. Гринберга.

1.1.2. Проблематика и предмет антропоцентрических исследований

При антропологическом подходе к изучению языка эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью (Постовалова 1988, 8). Некоторые ученые (Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, Г. И. Берестнев, А. В. Кравченко, Д. И. Руденко и др.) современную лингвистическую парадигму называют *когнитивной*, однако эпитет *антропологическая* представляется более удачным, так как позволяет объединить не только когнитивную линию изучения языка, но и функционально-коммуникативную, этнолингвистическую и др. (Щеулин 2002, 13). Антропологическая парадигма позволяет исследовать такие значимые для речевой деятельности феномены, как языковое сознание (т. е. «ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их варибельность от одной культуры к другой» (Привалова 2005, 11)), индивидуальный и национальный менталитет, концептосфера языка, национально-культурные

ценности и стереотипы. Язык при этом трактуется как механизм, обеспечивающий благодаря своей кумулятивной функции преемственность культурной памяти народа (Трошина 2000, 5).

Следует отметить, что в лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказывается определение того, как человек влияет на язык и как язык влияет на человека, его мышление, культуру (Постовалова 1988, 9). В целом в антропологической лингвистике выявляются две взаимосвязанные научные парадигмы: тенденция к описанию «макромира», т. е. понимание языка как важной составляющей человеческой культуры и бытия (с этим связано появление интегративных дисциплин: психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингвофольклористики и т. д.), и стремление к описанию «микромра», важнейшими составляющими которого являются словоцентризм, внимание к отдельным лексемам как средоточиям и выразителям культурного осмысления явлений действительности, иначе – культурная герменевтика слова. Тесным образом с антропологическим направлением в языке связаны проблемы изучения языковой картины мира, проблемы культурной коннотации слова (национально-культурного компонента в структуре лексического значения слова) и др.

Антропологический подход, нацеленный на целостное восприятие факта языка одновременно и как факта культуры, предполагает проведение интегрированных исследований. По мнению С. М. Толстой, сближение языка и других форм культуры, «освоение пограничной полосы становится для гуманитарной науки знамением времени, в особенности когда речь идет о лингвистике антропологического типа» (Толстая 2008, 203). Постоянный интерес к междисциплинарному подходу, основанному на сочетании данных смежных наук, неоднократно подчеркивался на проходившей в мае 2005 г. в Брно традиционной международной встрече этимологов славянских стран (Janůšková 2006).

Интегративность исследований связана с тем, что одновременный учет всех важнейших для антропологического языкознания феноменов в современной науке пока невозможен, отсюда формирование нескольких научных дисциплин, которые направляют исследовательские усилия на что-то одно, – этнолингвистики, этнопсихологии, этносоциоллингвистики, этносемантики, лингвокультурологии, социоллингвистики, психоллингвистики, когнитивной лингвистики и т. п. Тем не менее, несмотря на терминологическое разнообразие и попытки обособиться, границы разделов антропологической лингвистики, разрабатывающих культуроведческие вопросы, оказываются размытыми, а цели очень близкими. Следует отметить, что и внутри названных направлений «процесс междисциплинарного синтеза и симбиоза продолжается» (Воркачев 2001, 64).

1.1.3. Идиоэтничность, взаимосвязь языка и культуры

Лингвистические исследования последних десятилетий демонстрируют возродившийся интерес к гердеровской мысли об идиоэтничности (resp. понятийной неповторимости) и гумбольдтовской идее специфичности понимания мира сквозь призму языка. В. фон Гумбольдт утверждал: «В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» (Гумбольдт 1985, 373). В понимании лингвиста, «дух оставляет в словах свой отпечаток» (Гумбольдт 1985, 378), поэтому язык тесно связан с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его развития, отражая в себе каждую стадию культуры (Гумбольдт 1984, 48).

Гумбольдтовский подход к языку продолжила знаменитая «теория лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Л. Уорфа (Звегинцев 1960; Брутян 1968; Васильев 1974; Лебедев 2008, 83–88), согласно которой характер познающей и поведенческой деятельности человека определяется системой конкретного языка: люди членят мир так, а не

иначе, поскольку являются участниками своего рода конвенции, имеющей силу лишь для данного языка: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» (Уорф 1999, 97–98).

Обозначенный взгляд на детерминизм восприятия действительности может быть превращен (и действительно был превращен) в утверждение, что в языке отражена культура. Например, по словам Дж. Лайонза, «язык конкретного общества является составной частью его культуры, и <...> лексические разграничения, проводимые каждым языком, обычно отражают важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов, установлений и видов деятельности того общества, в котором функционирует язык» (Лайонз 1978, 456–457). Поэтому лингвистика XXI в. активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как «культурный код нации», а не просто орудие коммуникации и познания (Маслова 2001, 3).

1.1.4. Языковая картина мира и ее представление в лингвистике

Одним из основных понятий антропологического направления является понятие «картина мира». Картина мира – это «атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений» (Колшанский 1990, 23).

Если принять во внимание положение о том, что «носители разных языков видят мир немного по-разному, через призму своих языков» (Апресян 1995 2, 351), то языки различаются своими языковыми картинами мира, которые формируются языковым сознанием, т. е. «отразившейся в языке спецификой национальной культуры» (Кобякова 2004, 5).

Как пишет И. В. Привалова, «антропоцентрическая природа феномена языкового сознания несомненна, так как ментальные структуры не существуют автономно <...>. Языковое сознание не только антропоцентрично, но и этноцентрично, так как образ мира меняется от одной культуры к другой, и вследствие этого не существует двух абсолютно тождественных образов мира» (Привалова 2005, 5).

О нетождественности языковой картины мира и картины мира говорят многие исследователи; например, Ж. Ж. Варбот: «языковая картина мира» – это «синхронное соединение разновременных восприятий и толкований, отраженных в языке», тогда как «картина мира» – «представления о мире, духовная культура этноса в определенный хронологический период» (Варбот 2003, 343).

Понятие «языковая картина мира» требует уточнения, так как разные исследователи вкладывают в него разный смысл. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Это понятие восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, вышеупомянутой «гипотезе лингвистической относительности» Сепира–Уорфа, – с другой.

Любое толкование «языковой картины мира» не может претендовать на абсолютную ценность, поскольку это не объективно существующая реалья, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач, и поэтому разные исследователи, исходя из своих научных интересов и целей, могут наполнять это понятие различным содержанием.

Современные представления о языковой картине мира в изложении академика Ю. Д. Апресяна выглядят следующим образом: каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают

другие языки (Апресян 1995 2, 348–386). В. Н. Телия считает языковую картину мира продуктом сознания, «который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» (Телия 1988, 179). Вслед за Е. С. Кубряковой, под языковой картиной мира мы понимаем «часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» (Кубрякова 1988, 142).

Языковая картина мира выступает важнейшим компонентом национальной культуры (Алефиренко 1994, 5), поэтому ее реконструкция составляет одну из актуальных задач современной лингвистической семантики. В последние годы в семантике развивается направление, целью которого является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, Е. В. Рахилина, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлева и др.).

Культурная и ценностная картины мира. Учитывая взаимозависимость языка, мышления и культуры (Тер-Минасова 2000, 40), можно говорить о том, что языковая и культурная картины мира тесно связаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, а вернее, собственно к реальному миру, окружающему человека. При этом важно подчеркнуть «самобытность культурной картины мира каждого этноса, каждого народа в силу специфичности его духовной жизни» (Бельчиков 2008, 117).

Рассматриваемые понятия «вера», «надежда», «любовь», безусловно, составляют часть культурной картины мира. Однако некоторые исследователи, в частности Т. В. Маркелова, выделяют в качестве ее сегмента «морально-этическую» картину мира (Маркелова 1995, 78), которая также соответствует дискурсу нашего исследования. Кроме того,

понятия «вера», «надежда», «любовь» являются фрагментом ценностной (аксиологической) картины мира, в рамках которой В. И. Карасик предлагает исходить из следующих положений: 1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть сводится к различию оценочной квалификации объектов и комбинаторике ценностей; 2) ценностная картина мира реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами; 3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры; 4) в ценностной картине мира существуют наиболее важные для данной культуры смыслы – аксиологические доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (Карасик 1996, 4–5). Таким образом, понятия «вера», «надежда», «любовь» составляют часть культурной, «морально-этической», ценностной (аксиологической) картин мира.

«Ценность» как ядро аксиологической проблематики.

Ценностная картина мира представляет собой совокупность отдельных ценностей. Термином *ценность* обозначается понятие, фиксирующее положительные или отрицательные качества любого объекта или явления.

Философское определение ценностей предполагает такие материальные или духовные по своему характеру явления, которые имеют положительную значимость для личности, той или иной социальной группы, общества в целом и служат средством удовлетворения его потребностей и интересов. «Ценность» понимают и как «особый тип мировоззренческой ориентации людей, сложившееся в той или иной культуре представление об идеале, нравственных эталонах поведения» (Человек и его ценности 1988). Изучение содержания понятия «ценность», осознание ее значения происходит через постижение понятий «цена» и «оценка».

Многие исследователи отмечали «врожденность» оценочного смысла (Маркелова 1995, 67) и подчеркивали, что «мыслительному аппарату человека присуща оценочная шкала», которая основана на оппозиции понятий «хорошо–плохо», служит основным критерием оценки вещей, событий, явлений и находит свое проявление в познании реальной действительности (Ретунская 1996, 20; Леонтьев 1996, 15). По утверждению Н. Д. Арутюновой, «оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности» (Арутюнова 1984, 5), другими словами, «оценка составляет основу любого вида человеческой деятельности и является одной из наиболее общих психических функций» (Дронова 2005, 24). Оценка определяется также как одна из «форм отражения действительности в человеческом сознании через призму его интересов, потребностей, желаний, его отношение к отображаемому, она фиксируется и кодируется в значениях языковых знаков» (Филимонова 2005, 119–120).

Несмотря на универсальный характер человеческих ценностей, ни в социальной антропологии, ни в социологии, ни в лингвистической аксиологии типология их пока еще не разработана (хотя классификаций предложено немало), более того, нет однозначных определений самих понятий «ценность» и «оценка», как нет и общепринятых стратегий их описания и дифференциации. Отсюда такое разнообразие подходов и классификаций, особенно в зарубежной аксиологии, например, работы М. Шелера, Р. Ингардена, В. Зиллига, М. Рокича, Я. Пузыниной и др. (Вендина 1998, 13; Михальченко 2009). Хотя люди живут в одном обществе, в одном отрезке времени и подчас в одинаковых условиях, ценности по-разному ими осознаются, понимаются и интерпретируются. Это объясняется не только влиянием определенных этнических и социальных традиций, но также связано с тем, что

люди понимают содержание духовных, аксиологических понятий через призму своих родных языков (см. 1.1.3). По мнению Дж. Локка, «большая часть названий, составляющих рассуждения о нравственности, <непереводима>; если из любопытства станут сравнивать такие слова с теми, которыми они переведены на другие языки, то найдут, что очень немногие из последних слов точно соответствуют им во всем объеме своего значения» (Вежбицкая 1999, 268; Лаптенко 1999, 166).

Выступающие объектом нашего изучения духовные образования «вера», «надежда», «любовь» можно рассматривать и в связи с понятием «эмоциональность». Следует отметить, что по поводу соотношения понятий «эмоциональность» и «оценочность» существуют различные точки зрения (Бабенко 1989, 9), но представляется уместным в данном случае согласиться с Н. А. Лукьяновой о нерасторжимом единстве обозначенных понятий: «Оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» (Лукьянова 1986, 12). Исследуемые абстрактные номинации обладают как оценочным компонентом (признаются положительными ценностями), так и эмоциональным: они сформированы, как и другие чувства, на основе эмоций (Общая психология 1981, 296).

1.1.5. Славянская лингвистическая аксиология как новое интегративное направление в языкознании

Интенсивное развитие идей антропологической лингвистики в последнее десятилетие способствовало становлению нового научного направления – *лингвистической аксиологии* (авторы термина П. Лапи и Э. Гартман; Минина 1995, 1), которая находится на стыке нескольких наук, а именно этнолингвистики, психологической антропологии и социологии. Основные теоретические постулаты аксиологии разработаны в трудах Е. М. Вольф (Вольф 1985), Н. Д. Арутюновой

(Арутюнова 1984; 1988), М. А. Авгановой (Авганова 1976), В. М. Никитевича (Никитевич 1960), Т. В. Маркеловой (Маркелова 1995), М. А. Мининой (Минина 1995), Л. А. Сергеевой (Сергеева 2004), С. С. Хидекель и Г. Г. Когшель (Хидекель 1983). В центре внимания аксиологии находится изучение системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре. Проблемой ценностей в национальной культуре занимается также *этносемантика*, которая объединяет «различные исследования в области языкознания, культурологии, этнопсихолингвистики, этнографии, выявляющие на конкретном языковом и этнокультурном материале национальную, идиоэтническую специфику того или иного языка в сравнении с другими языками и культурами» (Ольшанский 1998, 21). В работах американских ученых термин *этносемантика* используется вместо термина *этнолингвистика*.

Поскольку аксиология занимается реконструкцией системы ценностей как одной из составляющих этнических и культурных традиций, лингвистическая аксиология связана с кругом проблем, которые решаются этнолингвистикой, – проблемами языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета. Нельзя не согласиться с Т. В. Гончаровой, считающей, что «интеграция аксиологии и этнолингвистики открывает широкие перспективы в разработке проблемы реконструкции этноязыковой картины мира» (Гончарова 2002, 43).

В 1980–1990-е гг. лингвистическая аксиология заняла прочные позиции в языкознании славянских стран, в частности, России и Польши. Наиболее значимыми в этой области представляются работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Журавлева, С. Е. Никитиной, С. М. Толстой, Е. Бартминьского, Я. Пузыниной. Вышел ряд сборников и монографий, частично или полностью посвященных лингвоаксиологической проблематике. Аксиологический подход, который рассматривает язык в качестве зеркала базовой системы ценностей социума и важнейшего источника инфор-

мации о ней, успешно применяется для изучения не только современной и общенародной, но и древнейшей, архаической, а также «простонародной», крестьянской ментальности и культуры. Можно констатировать, что в настоящее время идет активный процесс формирования нового направления славянского языкознания. И это вполне естественно: именно аксиология способна дать исследователю ключи к объяснению основ мировоззрения и глубинных мотивов поведения как отдельного человека, так и целых народов, существующих и действующих в определенных социокультурных условиях.

В славянском языкознании сосуществуют два основных направления изучения «языка ценностей». Одно из них *ди-ахроническое*, которое можно было бы еще назвать *историко-лексикологическим* и *этимолого-ономазиологическим*, выявляет этимологию аксиологически нагруженных лексем, реконструируя содержание соответствующих концептов для «прасостояний» языковой системы и рассматривая влияние действительной и мнимой языковой «наследственности» (в виде синхронической ретимологизации – истинной и ложной, т. е. народной этимологии) на современное функционирование номинаций. Именно в рамках этого направления проводится и наше исследование.

Другое направление, напротив, принципиально *синхронично*. Его представители изучают свободную (окказиональную) и узуальную текстовую сочетаемость слов, обычно оставаясь в рамках одного временного среза как самого языка, так и базы знаний и картины мира (или типа ментальности и культуры) его пользователей. В этом же русле проводятся исследования свободных внетекстовых ассоциативных связей отдельных лексем, которые способствуют выявлению соотносительных с ними языковых/ментальных стереотипов.

Центральное место в аксиологической системе языка занимает, по мнению А. Гудавичюса, аксиологический аспект лексической семантики (Гудавичюс 1998, 12). Как отмечает

Ю. Д. Апресян, «нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин <...> вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» (Апресян 1995, 1, 3). В работах, посвященных аксиологической лексике, язык определяется как источник знания о духовных ценностях (Небжеговска 2001, 27). **Внимание лингвистов обращено в первую очередь на диахроническое исследование духовных понятий конкретного языка, специфики их содержания, путей образования, причин семантических изменений, а также влияния на мировоззрение и поведение народа. Изучение данного пласта лексики, содержащей определенный культурогенетический код, способствует проникновению в образ мыслей представителей конкретного языкового сообщества. Например, методика анализа культурно-языковой картины мира славян и их соседей представлена в ряде работ ученых люблинской этнолингвистической школы (Бартминьски 2010).**

Одним из наиболее интересных проектов, выдвинутых в рамках славянской лингвистической аксиологии, была активно обсуждавшаяся польскими лингвистами в 1980-е – начале 1990-х гг. идея создания коллективом под руководством Е. Бартминьского «Польского аксиологического словаря» («Polski słownik aksjologiczny»: Język a kultura 1991). Автор идеи Е. Бартминьски, раскрывая его концепцию, отмечал, что обработка словарного материала должна вести к «воссозданию того идейного содержания, которое оживляло польскую общественную, культурную и политическую жизнь последних столетий, иначе говоря, должно вести к языковой реконструкции польского мира духовных ценностей» (Небжеговска 2001, 26–27; Бартминьский 2005). В связи с важностью объекта исследования была предпринята попытка комплексно рассмотреть семантику названий духовных ценностей на материале польского языка. С этой целью польские (этно)лингвисты определили достаточно

широкий список ценностей, особо значимых с общественной и национальной точек зрения, и в 1993 г. представили свои исследования в томе научных работ «Названия ценностей. Лексико-семантические исследования» («Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne»). Вслед за ними Е. Л. Березович (Екатеринбург, Россия), Н. И. Зубов (Одесса, Украина), П. Плас и А. В. Юдин (Гент, Бельгия) предложили идею создания «Славянского аксиологического словаря», представляющего собой сопоставительный словарь базовых ценностей славянских национальных традиций (Бессонова 2004). По мнению авторов, «такой синтез является исключительно трудоемким и практически <...> не осуществлялся. В то же время он был бы чрезвычайно полезен не только для нужд собственно лингвистической аксиологии, но и для решения некоторых теоретических задач лингвистики» (Проект САС 2003).

Представляется, что результаты предпринятого нами исследования могут войти составной частью как в собственно русский, так и восточнославянский аксиологические словари, а также в уже довольно давно предложенный для обсуждения и реализации атлас духовной культуры восточных славян (Черепанова 1983, 12), в которых должны найти отражение культурные понятия, имеющие ценностное значение для носителей русского, белорусского и украинского языков.

1.1.6. Понятийно-смысловая характеристика абстрактных имен

Изучение семантики абстрактной лексики требует рассмотрения понятийно-смысловой характеристики абстрактных номинаций. Представляется также необходимым уточнить понимание самого термина *абстракция* и раскрыть историю функционирования в русском языке лексем *абстрактный/отвлеченный*, являющихся базовыми для нашего исследования.

Термин *abstraction* ‘абстракция; букв. удаление, отвлечение’ впервые появившийся в трудах средневекового фило-

софа Боция (480–525 гг.), является латинской калькой греческого слова *αφαιρεσις*, употреблявшегося Аристотелем для названия процесса абстракции и его результатов (Горский 1961, 20). Энциклопедия определяет абстракцию как «мысленное отвлечение от множества сторон, свойств, признаков и связей конкретного предмета, явления или события и мысленное выделение отдельных его сторон и признаков; отвлеченное понятие, возникшее в результате этого процесса» (БСЭ, 41). Следовательно, различают процесс абстрагирования и абстракцию как его результат. Это понятие, по мнению философа М. А. Розова, – результат не только процесса абстрагирования, но и результат других познавательных процессов. В процессе образования понятия могут участвовать сравнение, обобщение, анализ, синтез, операции вскрытия причинно-следственных связей и т. д. (Розов 1965, 12).

Функционирование в русском языке терминов *абстрактный/отвлеченный*. Славянизмы *отвлеченный, отвлечение, отвлекать* в древнерусском языке использовались только в прямых значениях. С такой семантикой данные слова употреблялись и в первой половине XVIII в., а со второй половины в специальных контекстах они начинают использоваться в следующих значениях: *отвлеченный* ‘абстрактный’, *отвлечение* ‘абстрагирование’, *отвлекать* ‘абстрагировать’. Однако несколько ранее для обозначения названных понятий использовались лексемы *отделенный, отделение, отделять*, которые в ряде случаев были прямо соотнесены с иноязычным прототипом: *Мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах – через искусство **отделения**¹ (*artificio abstrahendi*)* (Копорская 1988, 109).

Очевидно, славянизмы *отвлеченный, отвлечь, отвлечение* в силу своей семантики (наличия переносного отвлеченного значения в производящем глаголе *влечь* и ослабленно-

¹ Здесь и далее выделения в тексте наши. – О. Г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	3
Введение	7
<i>Глава 1. Основные проблемы исследования аксиологических номинаций</i>	12
1.1. Изучение аксиологических номинаций: теория и история вопроса	12
1.1.1. Антропоцентризм как доминирующий принцип современных лингвистических исследований: история формирования	12
1.1.2. Проблематика и предмет антропоцентрических исследований	13
1.1.3. Идиоэтничность, взаимосвязь языка и культуры	15
1.1.4. Языковая картина мира и ее представление в лингвистике.....	16
1.1.5. Славянская лингвистическая аксиология как новое интегративное направление в языкознании	21
1.1.6. Понятийно-смысловая характеристика абстрактных имен.....	25
1.2. Лексикографические источники как объект лингвистического исследования	29
1.2.1. Лексическая полисемия и закономерность изменения значений слов	30
1.3. Сравнение близкородственных языков: проблемы и перспективы.....	32
<i>Глава 2. Взаимосвязанность компонентов аксиологической триады «вера, надежда, любовь»</i>	36
2.1. Духовные ценности «вера», «надежда», «любовь»: проблема идентификации	36

2.2. Культурно-семантическое единство компонентов триады...	39
2.3. Значимость триады «вера, надежда, любовь» в языковом сознании русского и других восточнославянских народов	41
2.4. Лексемы <i>вера, надежда, любовь</i> по данным частотных словарей восточнославянских языков	42
2.5. «Вера, надежда, любовь» как формула	44
2.6. Символизм компонентов триады.....	46
2.7. Лингвистические определения иконического знака и принципа иконичности.....	48
2.7.1. Формула «вера, надежда, любовь» сквозь призму иконичности.....	51
2.8. Семантическая и этимологическая связь компонентов формулы «вера, надежда, любовь».....	53
2.9. Аспекты исследования сочинительной конструкции.....	55
Глава 3. Семантическая эволюция аксиологической номинации <i>вера</i>	57
3.1. Понятие «вера» в философской и религиозной мысли	57
3.2. Изучение понятия и лексемы <i>вера</i> в лингвистике	59
3.3. Интерпретация лексемы <i>вера</i> словарями восточнославянских языков.....	62
3.3.1. <i>Вѣра</i> в древнерусском языке	62
3.3.2. <i>Вера</i> в русском языке	66
3.3.3. <i>Вера</i> в белорусском языке.....	74
3.3.4. <i>Віра</i> в украинском языке	77
3.3.5. Сопоставительный анализ ЛСВ слова <i>вера</i> в восточнославянских языках	81
3.4. Этимология лексемы <i>вера</i>	85
3.4.1. Семантические особенности лексем <i>рота, клятва, присяга</i> в качестве репрезентантов понятийной сферы лексемы <i>вера</i>	91
3.4.2. Диалектные значения лексемы <i>вера</i>	95
Глава 4. Семантическая история аксиологического понятия «надежда»	102
4.1. <i>Надежда</i> как аксиологическое наименование и объект лингвистического описания. Античное понимание «надежды»	102
4.2. Этимолого-мотивационное обоснование связи понятий «надежда» и «якорь»	105
4.3. Интерпретация понятия «надежда» словарями восточнославянских языков	106
4.3.1. <i>Надежда</i> в древнерусском языке	106
4.3.2. <i>Надежда</i> в русском языке.....	108

4.3.3. <i>Надзея</i> в белорусском языке	113
4.3.4. <i>Надія</i> в украинском языке	116
4.3.5. Сопоставительный анализ ЛСВ репрезентантов понятия «надежда» в восточнославянских языках	117
4.4. Истоки абстрактной семантики праславянских лексем * <i>naděja</i> и * <i>nadedja</i>	118
Глава 5. Лексикографическая интерпретация абстремы <i>любовь</i> ...	122
5.1. Языковой знак <i>любовь</i> как объект лингвистического исследования.....	122
5.2. Интерпретация понятия «любовь» словарями восточнославянских языков	125
5.2.1. <i>Любовь</i> в древнерусском языке.....	125
5.2.2. <i>Любовь</i> в русском языке	126
5.2.3. <i>Любоў</i> в белорусском языке	132
5.2.4. <i>Любов</i> в украинском языке.....	134
5.2.5. Сопоставительный анализ ЛСВ репрезентантов понятия «любовь» в восточнославянских языках	137
5.3. Этимология лексемы <i>любовь</i>	138
5.3.1. Первоначальная семантика слов с корневой морфемой <i>-люб-</i>	139
5.3.2. Первоначальное значение ‘давать обет, обещать’	144
5.3.3. Этимологическая связь значений ‘любимый’ и ‘сухой’ ...	147
5.3.4. Генетическая связь значений ‘любить’ и ‘ворожить’	151
5.3.5. Христианское понимание агапической любви	155
Заключение	158
Приложения	163
Литература	208

Герасимович, О. В.

Г37 Восточнославянская семантическая аксиология (*вера, надежда, любовь*) / О. В. Герасимович. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 245 с.

ISBN 978-985-08-1520-0.

В книге доказывается структурная и семантическая слитность триединого комплекса «вера, надежда, любовь» в синхронии и диахронии; определяется и сравнивается смысловой объем репрезентантов понятий «вера», «надежда», «любовь» в толковых, исторических и диалектных словарях восточнославянских языков; выделяется общее и особенное в представлении носителей русского, белорусского и украинского языков о высших нравственных идеалах; приводятся результаты этимологического анализа лексем *вера, надежда, любовь*.

Предназначена для славистов, этнолингвистов, а также для всех, кто интересуется традиционной духовной культурой восточных славян.

УДК 811.16*37

ББК 81.2-3